



Читайте романы Янки Рам:

Я тебя вылечу
Тест на отцовство

Тест на ОТЦОВСТВО

Янка Рам



Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р21

Иллюстрация на переплете *В О Н Н И Ё*

Оформление серии *Анны Кроник*

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Рам, Янка.
Р21 Тест на отцовство : роман / Янка Рам. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-215275-7

Юлия привыкла жить по правилам: на работе — холодная голова и точные решения, дома — порядок и стабильность.

Но однажды в больнице появляется мужчина, которого она надеялась больше никогда не увидеть. И привычная жизнь начинает трещать по швам: в семье растут подозрения, а разговоры превращаются в ссоры. Потому что у Юлии есть секрет — и если он выйдет наружу, рухнет все, что она так долго строила.

Теперь ей предстоит выбор: молчать и сохранить семью — или сказать правду и начать заново...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215275-7

© Рам Я., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

— Дверь придержите, пожалуйста!

Вздрагиваю от этого до боли знакомого голоса. Разворачиваясь лицом к закрывающимся створкам лифта, ловлю дверцу.

Быстро стуча каблучками, она замирает за мгновение до того, как зайти, притормозив прямо в дверях. Узнав, хватается ртом на вдохе воздух, дергается назад.

— Заходите, Юлия Юрьевна, — смотрю ей в лицо.

Взгляд ее светлых голубых глаз, от которых я когда-то млел, как мальчишка, расфокусировавшись, застывает.

Медленно, словно в клетку с тигром, она делает шаг в лифт.

Мы так близко... что крыша моя подъезжает, стирая шесть с лишним лет. И как будто я имею к этой элегантной женщине какое-то отношение. Как будто она до сих пор моя.

Шпильки, норковая шубка до середины бедра, шелк светлых волос по плечам, спокойный макияж, очень дорогой парфюм...

5

•
‡



Раньше она была чуть проще и мягче, сейчас — прекрасный утонченный айсберг.

Но я-то знаю, что она совсем не такая внутри... В смысле — не айсберг. Но ты уверен, Чадов, что это все еще та же женщина, которую ты знал? Шесть лет прошло...

Мое нутро уверено. Там словно торнадо разметал все органы, и они стучат и качают в неположенных местах.

Так случается каждый раз, даже когда я вижу ее издали. Сейчас в десять раз мощнее. И мне глючится, что, если сейчас ее зажать здесь и пошептать сладкие пошлости в чувствительные ушки, она снова позволит мне все...

Двери закрыты, а мы, растерявшись, не жмем на кнопки.

— Какой этаж? — низко и неровно уточняю я, едва сдерживая эмоции.

— Все тот же, — тихо выдыхает она.

Это не первая наша встреча. Но первая — наедине. Мы работаем в одном медицинском центре. Но избегаем друг друга.

Лифт едет вверх.

Горло перехватывает от ее близости. Это болезненное чувство.

Я тебя не простил и не понял, Юля... Хотя ты и не пыталась объяснить или извиниться.

У Юли теперь есть сын... Она вернулась к мужу. Я оказался лишним элементом в этой конструкции.

«И жили счастливо и долго. Он — долго, счастливо — она...»

В судьбе каждого мужика случается своя роковая женщина... Ю. Ю. — моя. Она сидит глубоко внутри. На троне. Но в глухой темной камере.

Мы друг друга пытаем...



•
•
•

6

На ее шее колотится венка. Расцветающий румянец на щеках делает ее подчеркнутые острые скулы мягче.

Ты тоже помнишь, что мы творили, да?..

Помнит! Остекленевший взгляд застыл где-то в районе моей челюсти. Ноздри подрагивают.

И сердце мое расхреначенное снова заходится пулеметной очередью...

У нас тормознутый лифт. И я успеваю за эти несколько секунд и порадоваться этому, и психануть на это.

Третий... На четвертом она выйдет. Пара секунд и...

Внезапно все вокруг сдыхает со специфическим стоном и мы погружаемся во тьму.

Тишина...



ГЛАВА 1

ЗНАКОМСТВО

Флешбэк от Ю. Ю.

•
•
•
8 Роберт, мой муж, — заведующий гинекологическим отделением. Поэтому — и обследование, и результаты, все очень быстро и качественно.

— Юленька... — Вздохнув, Роберт достает мои бумаги.

Поправляет очки в золотой оправе. Его длинные тонкие пальцы как будто стали еще длиннее и тоньше.

— Для начала я хочу сказать, что независимо от результатов я всегда буду рядом. Для меня ты ценность безусловная.

— Спасибо, Роб. Все плохо?..

Мы живем вместе восемь лет. Давно не предохраняемся. И не можем зачать.

— Ты нефертильна, Юленька. Увы.

Мои губы недоверчиво вздрагивают в нервной улыбке.

— Как?.. Совсем?! Ну, то есть я готова пройти лечение, если это нужно.

— Да-да... Конечно. Мы попробуем восстановить... Но маловероятно. Ты должна это понимать. Не хочу, чтобы ты переживала из-за этого. Я тебя очень люблю.

— Мхм... — кусаю губы. — А какой у меня диагноз, Роберт? Почему я нефертильна? Я же молодая, здоровая, цикл регулярный...

— Юленька, давай я сам буду все это контролировать, чтобы ты не волновалась. Ты же знаешь, я сделаю для тебя все, что возможно. А стресс будет только усугублять эту проблему. Ты начнешь читать об этом, накручивать себя, твой кортизол подскочит, и мы получим еще один фактор, угнетающий фертильность. Выдохни... Не думай об этом. Съездим в отпуск... А потом, если решишься, мы сделаем ЭКО. У меня хорошие связи. С тобой будут работать лучшие врачи. Хорошо?

Киваю.

В отпуск? Это двадцать четыре на семь рядом с Робертом. Много его прикосновений, поцелуев... Я не-мо-гу.

Опустив взгляд, в растерянности рассматриваю свои пальцы, кручу колечко с бриллиантом.

Роберт очень меня любит. А я... нет. И ребенок — это была моя надежда на то, что наша семья вспыхнет хоть какими-то эмоциями с моей стороны. Я всегда очень хотела детей... Трех. У меня даже имена придуманы — Степан, Василиса и Ванечка. Ни к одному из них не идет отчество Робертович...

Мне хочется повить от тоски.

— Юленька, может, чаю?

Я вышла за него совсем девчонкой. Он был намного старше и сразу же после знакомства окружил меня заботой, которой так не хватало мне — девочке из небогатой семьи.

Я сдалась этому, посчитав, что любовь может прийти со временем. Из чувства благодарности и уважения. Не пришла...

И с каждым годом мне все тяжелее жить в нашей большой элитке в центре. Высокие потолки и огром-



ные комнаты навевают тоску. Там пусто. Я даже зверюшку не могу завести, у Роберта аллергия.

— Я пойду, ладно? — испытывая приступ удушья, встаю, держась за стену.

Ощущение пустоты внутри нарастает.

Примерно пару раз в год я собираюсь с духом попросить Роберта о разводе. Но он словно чувствует такие моменты, превращаясь в безупречного и очень внимательного мужа. И мне не хватает решимости его так обидеть. После всего, что он сделал для меня.

Но от тоски все чаще не хочется просыпаться...

Заторможенно спускаюсь с лестницы клиники вниз. Может, самой себе какие-нибудь мощные антидепрессанты прописать? Чего мне терять, если я не забеременею?..

По стоянке двигаюсь мимо машин. Вздрагиваю от мужского дружного хохота. Раскатистого и веселого. Жадно впитываю эту нечаянную эмоцию и энергию, оборачиваясь на звук.

Руслан Хасанов — талант и гордость нашей больницы, первоклассный нейрохирург. А с ним рядом — небритый брутал в берцах и распахнутой куртке. С тату на кистях и открытой шее.

Залипаю на них взглядом — они такие статные, яркие, мощные, что кажется — пространство вокруг них превращается в магнитную воронку.

«Не то чтобы ты совсем не попал, Пятачок, но ты не попал в шарик!» — шутит брутал.

Опять смеются.

— О! — поднимает взгляд Руслан. — Горыныч, а давай Юлию Юрьевну похитим! Нам все равно третий нужен...

Смущенно улыбаюсь, настороженно делая шаг назад. Роберт очень ревнив и на дух не переносит Хасанова. Хотя мы только приятели.



⋮

— Юлию Юрьевну?.. — отыскивает меня взглядом брутала.

Мы встречаемся глазами. Пауза...

На его лице, как цветок, расцветает молчаливое восхищение.

А что на моем лице от его такого пристального внимания, мне даже страшно представить.

Мы одновременно смущенно опускаем взгляды, и, встряхнувшись, тут же поднимаем, и снова встречаемся ими.

И снова пауза...

Господи, это так неловко. Но я не могу выйти из ступора! Только боковым зрением вижу, как Рус переводит взгляд с меня на брутала и обратно.

Выдавливаю из себя улыбку, пытаюсь снять напряжение и неловкость, и перевожу с усилием взгляд на Хасанова. Его глаза улыбаются, словно подкалывая меня за эти «глядделки» с незнакомцем.

— Хорошего дня! — выпаливаю я и быстренько сбегаю от них.

Внутри все трепещет и колотится. От эйфории кружится голова!

Кто это был?..



ГЛАВА 2

НИКОГДА И НИ С КЕМ

ГОРЫНЫЧ

12

⋮

Темнота в лифте сгущается, стены сближаются. Нет, вовсе не потому, что у меня приступ клаустрофобии. Причина в другом...

Она включает телефон, светит на панель. Жмет на вызов лифтера.

— Ждите, сейчас запустим, — отвечает ей скрипучий голос через динамик.

Внутренний зверь во мне взбудоражен и капает слюной от желания присвоить ее обратно.

Именно из-за неуправляемости этой скотины, которая уверена в своем животном праве владеть этой самочкой, я и держусь как можно дальше от Крынской. Каждый раз корежит называть ее по фамилии скользкого задрота Роберта. Но и по имени не всегда хватает душевных сил.

Неровно выдыхаю воздух. Тело сходит с ума. Меня непреодолимо магнитит. В этой темноте не существует этих шести лет, которые сделали нас посторонними друг другу людьми.

Переступив с ноги на ногу, цепляется каблуком за мой берц. Тихо вскрикнув, нарушает застывший до вязкости воздух.

Рефлекторно вытягиваю руку, желая придержать ее.

Рука натывается на мех. Мои пальцы сжимаются. И... Хрен его знает, как это выходит, она оказывается в моих руках.

Магнетизм — он такой. Искажает пространство.

Меня оглушает от этой близости, словно я словил передоз от какого-нибудь убойного пойла. И никогда и ни с кем — ни до, ни после — я не пьянел от близости и не захлебывался такой пронизывающей эйфорией.

Глухо вскрикнув, замирает. Слышу, как сумочка из ее рук падает на пол.

Мышцы невыносимо крутит, заставляя стиснуть ее и утрамбовать в себя ошутимее.

— Чадов! — быстро и громко дышит она.

Торможу попытку сознания уйти в самокопания, что вообще-то Ю. Ю. меня кинула... Врала мне... А еще — и так избегает встреч, словно я прокаженный...

Да к черту! Ее проблемы.

Я просто вдруг за долю секунды осознаю, что больше эту эмоцию не словлю ни от кого и никогда. Никогда... А у меня без этой эмоции жизни нет.

Вся тоска по ней, протест и обида неожиданно прорываются. И отпустить ее сейчас — это как тормознуть и не кончить за мгновение «до». Только в сотню раз мучительнее!

Я сжимаю ее волосы на затылке, портя идеальную укладку, и тяну, заставляя поднять лицо. Вжимаюсь губами в ее приоткрытый рот.

Так тебе! Тоже чувствуй это!

— Ну что? Как живется вам, Юлия Юрьевна? — рычу хрипло. — Ни о чем не сожалеете?

Кусаю, впиваясь глубже. Толкаю ее язык, задыхаясь от ощущений.



Она чуть оседает в моих руках. Мне хочется поковырять и побиться об стены оттого, как это мне нужно!

Загудев, загорается лампа.

Отстранившись, Юля шокированно смотрит мне в глаза.

Кислород, смешанный с запахом ее парфюма, обжигает ноздри.

Ее лицо рассерженно вздрагивает. Размахнувшись, припечатывает мне по щеке. Голова моя дергается, щека немеет. Это немного возвращает адекват и чувство реальности. Закрываю на мгновение глаза, пряча чувство уязвимости и раненое свое нутро. И когда распахиваю, я уже в броне.

Помада у нее размазана, волосы растрепаны, одежда сбилась...

Мать твою, какая же ты красивая!

Лифт вздрагивает, за секунду поднимаясь до ее этажа. Двери открываются.

— Хорошего дня, — давлю ее нахальным взглядом. Сбегает.

Луплю яростно по кнопке своего этажа. Пытаюсь проглотить ком в горле и дышать ровно. Под ногами — ее сумочка. Поднимаю...

Мягкая и тонкая, молочного цвета кожа мнется в моей руке.

Выхожу из лифта у себя в отделении. Сумку надо вернуть, и проще всего вернуть ее через Ир Васильевну, оставив на сестринском ресепшене.

Но я прохожу мимо с зажатой в руке сумкой.

Чадов, ты в сумочке у нее решил покопаться? Или хочешь вернуть лично?

Не знаю...

Падаю на диванчик в ординаторской.

Сумочка закрыта на замочек с шариками, по типу старинного ридикюля. Давлю на него пальцами. Открывается.



•
•

Сверху — документ в файлике, сложенный вдвое.
Копия свидетельства о рождении.

Крынский Степан Робертович.

Морщусь. Коряво как-то звучит...

Жадно ищу взглядом дату рождения. Улетая в прошлое, считаю на пальцах месяцы. Действительно — Крынский... Не Чадов. Увы. А как красиво бы звучало: Чадов Степан Борисович!

Юль... Ну и плевать, что Крынский... Чего я, твоего пацана не воспитал бы? Ну зачем ты так?!

Кладу документ обратно. На автомате поглаживаю пальцами сумочку, словно это Юлина кисть. Кусая ноющие губы.

Все, надо завязывать. Ее решение — жить с отцом своего ребенка — адекватно.

Но в свете наших чувств — противоестественно!

Спорю с самим собой: это у тебя чувства, Чадов. А у нее для тебя только пощечины остались. Шесть лет прошло...

Руки чешутся исследовать ее сумочку дальше. Но не позволяю себе этого. Только собираюсь закрыть, взгляд цепляется за угол белой коробочки. Достая. Сигареты... Женские, тонкие, легкие.

Ты охренела, что ли?! С каких пор? Куда твой Роберт смотрит?

С возмущением швыряю их в мусорное ведро.

Достаяю свои.

Куриль хочется...

Сдохнуть хочется...

Юльку хочется...

Мрак.

Достаяю сигарету. Это единственное, что я могу удовлетворить из своего «хочется».

А сумку надо вернуть. И не собираюсь я ее ни через кого передавать. Не детсад, поди...

